

—

Пришел доктор Фан. Фу Мин, преодолевая болезнь, поднялся, чтобы поприветствовать его. Они были и учителем, и учеником, и близкими друзьями. Давно не виделись, и Фу Мин не хотел быть небрежным. Доктор Фан, увидев его изможденное, бледное лицо, после удивления уложил его обратно в постель, а затем, осмотрев и расспросив, нахмурившись, спросил: «Куда делось все то, чему я тебя учил? Как ты довел себя до такого состояния?»

«До такого состояния?» Казалось, Цзинь И тоже так его спрашивал. Фу Мин спросил: «Давно я не смотрел в зеркало. Мой вид, он так плох?»

Доктор Фан окинул его взглядом: «Сам не знаешь? Если не знаешь, зачем меня звал!»

Фу Мин слегка улыбнулся: «Позвал вас, конечно, чтобы вы своей волшебной рукой вернули меня к жизни, спасли мое жалкое состояние».

Доктор Фан все еще злился: «Волшебной рукой вернули к жизни? Когда дойдет до этого, не только я, но и сам Хуа То, если он воскреснет, не сможет ничего сделать!»

Фу Мин покачал головой: «Хуа То жил много лет назад. За тысячу с лишним лет мастерство врачей должно было улучшиться, не так ли? Того, кого Хуа То не смог бы спасти, вы, возможно, сможете!»

Доктор Фан, разозленный Фу Мином, рассмеялся: «Еще хватает сил шутить, я смотрю, ты еще не так плох. Ну-ка, расскажи сам, как появилась эта болезнь, как долго ты ее тянул, какие лекарства принимал и почему они не помогли?»

Фу Мин убрал улыбку с лица и серьезно ответил, подробно рассказав о своем состоянии, начиная с того, как он заболел, и заканчивая всем остальным. Доктор Фан, выслушав, не удержался и шлепнул его по руке, приложив некоторую силу. Фу Мин почувствовал боль, но не смел пикнуть.

«Ладно», — доктор Фан, успокоившись, вздохнул. «Я в последнее время относительно свободен, останусь у тебя на некоторое время. К Новому году ты должен поправиться и помочь Сунь Цанъюну писать весенние свитки!»

«Я вас слушаю», — Фу Мин улыбнулся и лег.

Доктор Фан взял кисть, чтобы выписать рецепт, но, написав только один ингредиент, снова спросил: «Поместье Цзинь — ты не собираешься туда возвращаться?»

Через некоторое время он услышал ответ Фу Мина: «Это не мое пристанище».

Доктор Фан хмыкнул, но больше ничего не сказал.

Несколько дней спустя состояние Фу Мина, хотя и не улучшилось, но стабилизировалось. Возможно, благодаря присутствию доктора Фана, Люй Фэй и Вань Лань обрели опору, перестали хмуриться и могли даже шутить каждый день. Хотя жизнь в здесь была намного хуже, чем в поместье Цзинь, но пока они были с Фу Мином, и пока Фу Мин был в порядке, они больше ничего не желали.

В этот день Вань Лань возвращалась с улицы, постирав белье, и на тропинке у двора встретила трех человек.

Впереди шел мужчина. Увидев Вань Лань, он подошел и с улыбкой поздоровался: «Сестра Вань Лань».

«Откуда ты знаешь, кто я? Зачем вы пришли сюда?»

«Мы все из поместья Цзинь. Неудивительно, что сестра Вань Лань, которая раньше была во внутреннем дворе, нас не знает».

«Из поместья Цзинь? Тогда что вы здесь делаете?»

«Господин прислал меня вернуть кое-что Фу Гунцзы», — мужчина указал на сундук, который несли два других человека.

Сундук занесли в дом. Вань Лань объяснила ситуацию Фу Мину, после чего мужчина открыл сундук. Действительно, в нем было несколько старых вещей Фу Мина и немного денег.

Фу Мин несколько раз взглянул на эти вещи и спокойно сказал: «Оставьте. Можете возвращаться и доложить».

Когда люди ушли, Люй Фэй почувствовала, что, хотя Фу Мин выглядел как обычно, ему, похоже, было очень грустно. Он молча смотрел в окно на опустевшую зимнюю деревню.

Это он хотел разорвать отношения с Цзинь И, но когда другая сторона тоже так расчетливо свела счеты, словно не желая больше быть в долгу, Фу Мин почувствовал, что ему стало холодно и невыносимо. Но разве это не был ожидаемый финал? Кого можно винить? И как можно злиться?

Несколько слуг, пользующихся глубоким доверием хозяина, доставили вещи и вернулись в поместье Цзинь, чтобы доложить. Когда Цзинь И услышал, что Фу Мин просто принял вещи и ничего не сказал, его лицо снова омрачилось.

Так как ему предстояло отправиться во дворец, Бай Лу подошла, чтобы помочь ему переодеться. Увидев его такое недовольство, обычно тактичная старшая служанка могла только молчать.

Когда Цзинь И выходил из поместья, он увидел, как слуга выпроваживает мужчину лет сорока, неизвестного происхождения.

Увидев, что он подходит, слуга сам объяснил: «Этот человек пришел к Фу Гунцзы. По акценту он из другого уезда, говорят, из Цзяннаня».

Цзинь И, увидев, что человек уже ушел, лишь слегка кивнул и безмолвно покинул поместье.

Сегодня император, неизвестно почему, словно по внезапному капризу, устроил банкет для потомков нескольких основателей династии. За столом старый император произнес много слов о том, как он тоскует по прошлому. Хотя это было трогательно, но, учитывая прецедент с арестом Цзинь И, никто не принимал его слова всерьез. Однако все на лицах выражали глубокую скорбь и клялись в верности императорской семье, обещая служить двору до самой смерти. Старый император улыбался, его старое лицо помолодело, а щеки зарумянились.

После пира император оставил Цзинь И поговорить наедине.

«Чанцзе, я видел, как ты рос. Я абсолютно не верю, что у тебя есть какие-либо коварные замыслы. Некоторое время назад, по необходимости, я причинил тебе неудобства, не вини меня. Я не собирался по-настоящему тебя затруднять, просто формальности. Ты по-прежнему генерал двора, опора, на которую я опираюсь».

Цзинь И не смел принять это, снова поклонился и извинился.

Император посчитал этот вопрос закрытым и спросил, здорова ли старая госпожа Цзинь, вышла ли замуж девушка из семьи Цзинь, начал ли его сын в этом году учиться читать и писать, и так далее, демонстрируя заботливое отношение к своим подданным.

Сказав это, император, казалось, небрежно произнес: «Я слышал, что твой супруг хочет развестись с тобой?»

Цзинь И уже знал, что император, вероятно, слышал об этом и молчаливо одобрил, поэтому, услышав этот вопрос, он смог спокойно ответить: «Ваше Величество, так и есть».

Император непонятно улыбнулся: «Вы были обручены по моему указу, и по правилам не можете просто так расстаться. Когда я услышал эту новость несколько дней назад, я не мог в это поверить. Но многие люди помогали, шепча мне на ухо, словно если я не соглашусь, то буду неразумным и буду принуждать людей. Эти люди действовали и кнутом, и пряником. Мне кажется, что развестись хочет не Фу Мин, а группа людей заставляет меня позволить вам расстаться».

Цзинь И, услышав это, был поражен, но на его лице оставалось спокойствие: «Ваше Величество, я глуп, я не понимаю, что вы имеете в виду?»

Император взял со стола длинное письмо и небрежно протянул ему.

Цзинь И, взяв его, увидел, что это был почерк Фу Мина. Вчитавшись в содержание, он все больше и больше приходил в ужас. Дочитав до конца, где Фу Мин выражал императору свою решимость разделить жизнь и смерть со своим мужем, Цзинь И почувствовал одновременно боль и радость в сердце, его глаза наполнились слезами, а ноздри защемило.

«Дочитал?» — спросил император. «Как ты думаешь, судя по этому письму, Фу Мин хочет развестись с тобой?»

«Благодарю Ваше Величество за то, что сообщили мне это», — сказал Цзинь И и осмелился спросить: «Но почему Ваше Величество молчаливо согласились на этот документ о разводе?»

«Разводиться или нет — это ваше с ним дело. Хотя я изначально и устроил ваш брак, я не бог брака, и брачный документ не является красной нитью между вами. Красная нить может порваться, так почему бы брачному документу не стать документом о разводе?»

Эти слова были сказаны с важным видом, но Цзинь И понимал, что их с Фу Мином примирение и расставание, как оказалось, были лишь результатом борьбы между многими людьми и различными силами.

Но император улыбнулся и добавил: «Если вы не хотите расставаться, я буду только рад. Несколько дней назад я обидел тебя, это моя небольшая компенсация. Как поступить, решать тебе».

«Благодарю, Ваше Величество!» Эти слова были самой искренней благодарностью Цзинь И с момента его прибытия во дворец сегодня.

Выйдя из дворца, Цзинь И сразу же вернулся в поместье Цзинь, взял тот документ о разводе, который он еще не подписал, и без остановки направился в пригород столицы. Под порывами ветра содержание длинного письма постоянно всплывало перед глазами, заставляя его желать крепко обнять Фу Мина и спросить, почему.

К тому времени уже был вечер. Фу Мин поужинал и собирался принять лекарство.

Увидев Цзинь И, он едва не поперхнулся только что принятым лекарством. Едва отдышавшись, он хотел спросить, как тот здесь оказался, как вдруг увидел, что ему протягивают документ о разводе.

Слова на языке изменились: «Вы уже подписали?»

Цзинь И ответил: «Нет. Я принес его тебе, чтобы ты сам разорвал его».

Фу Мин замялся: «Я не понимаю, что вы имеете в виду».

«Разве не ты умолял императора, говоря, что готов разделить со мной жизнь и смерть?»

«Император показал вам то письмо?» — потрясенно спросил Фу Мин.

Цзинь И слегка улыбнулся: «Теперь, что ты скажешь?» В его вопросе, хоть и был тон упрека, сквозила нежность.

Фу Мин, услышав это, хотел сказать: «Мне нечего сказать, я так и думал: если ты жив, я жив; если ты умрешь, я возьму на себя твою незавершенную ответственность, буду жить ради тебя, но мое сердце умрет с тобой». Но он помолчал немного и затем произнес: «В свое время Ли Линбо подал доклад императору. Хотя каждое слово трогало, это было также уловкой, чтобы уйти с поста. Семьдесят процентов правды, тридцать процентов лжи. Мое письмо было еще более наполовину правдой, наполовину ложью».

«Какое предложение правда, а какое ложь?»

«Столько времени прошло, уже не помню».

«Фу Гунцзы с детства был необычайно одарен, другие поверят этим словам, но я не верю».

Фу Мин вздохнул, и его голос смягчился: «Господин, не хотите ли послушать о давних делах?»

Цзинь И не знал, почему он вдруг сменил тему, но это обращение «господин» мгновенно утихомирило его гнев. Он кивнул в ответ: «Говори».

«Господин должен знать кое-что из прошлого моей семьи Фу. Говорят, что мой отец был приемным ребенком моего деда, потому что у деда долгое время не было сыновей, и не было никого из рода, кто мог бы быть усыновлен, поэтому он усыновил сироту из приюта».

«Да, я слышал об этом».

«Но это не так».

В глазах Цзинь И появилось удивление и вопросительное выражение. Фу Мин продолжил:

«Мой дед был внебрачным сыном, презираемым своей законной матерью, но он и нанятая ею кухарка полюбили друг друга. Узнав об этом, законная мать устроила так, чтобы кухарка была обманом сделана домашней рабыней и отдана в жены презренному слуге в поместье. Мой дед в гневе ушел из семьи Фу вместе с кухаркой. Через год кухарка забеременела, и деда нашли его родственники и насильно вернули домой. Беременная кухарка, получив заботу доброго человека, попала в приют. Тот добрый человек тогда был знаком с руководителем приюта и иногда навещал его. Кухарка, пользуясь его заботой, хорошо жила в приюте, и так прошло много лет. Только позже, когда дед наконец смог утвердиться в семье, он сумел вернуть кухарку и своего сына. Эта кухарка и была моей бабушкой». Дойдя до этого, Фу Мин спросил Цзинь И: «Господин, вы знаете, кто был тот добрый человек?»

Цзинь И ответил: «Не знаю».

Фу Мин улыбнулся: «Тем добрым человеком был тогдашний старейшина семьи Цзинь, ваш дед. Семья Цзинь оказала огромную милость моему деду, бабушке и отцу. Когда моя кормилица рассказала мне об этом, я поклялся в душе, что если представится возможность, я обязательно отплачу за эту доброту».

Цзинь И нахмурился и спросил: «Ты хочешь сказать, что все, что ты делал, было ради благодарности?»

«Именно».

«Тогда почему ты бросил все на полпути?»

Фу Мин улыбнулся: «Думаю, хотя я и не отплатил в полной мере, но за эти годы, плюс этот раз, это можно считать оплатой. Я по природе мужчина, разве могу я вечно оставаться в задней части поместья? Возможность выпадает только раз, и я не хочу ее упускать, поэтому я надеялся, что господин позволит мне уйти. С этого момента мир станет шире, и я смогу жить своей жизнью».

Насколько сильна была надежда, настолько же тяжелым было разочарование. Только сейчас Цзинь И, наконец, должен был поверить: Фу Мин твердо решил покинуть поместье Цзинь, покинуть его.

Смех сквозь боль, после долгого или короткого молчания, он сказал: «Дай мне кисть».

Фу Мин сам развел тушь, медленно и тщательно, словно это касалось его свободы, его будущей жизни. Разведя тушь, окунув кисть, он обеими руками взял древко и протянул кисть Цзинь И.

Цзинь И взял легкую, но словно весящую тысячу цзиней кисть, и на документе о разводе, который должен был быть разорван, написал свое имя, затем окунул палец в ярко-красную киноварь и сильно приложил свой отпечаток.

Один квадратный дюйм бумаги стал как реки и озёра. Отныне они больше не будут жить вместе, а разойдутся, каждый пойдет своей дорогой.

Цзинь И хлестнул плетью, стремительно уносясь в глубокие сумерки. Фу Мин прислонился к воротам двора, сжимая в руке тот документ о разводе, глядя на темнеющее небо, и тихо произнес:

«Пояс равнодушен, широк или узок,

Весенний туман зеленеет, а осенний иней белеет.

Растираю киноварь, раскалываю камни — но небо не знает об этом,

Желаю, чтобы темница небесная заперла несправедливо обиженные души»*.

Неожиданно наступил конец года. Их знакомство и любовь длились всего два-три года. Он не боялся, что пояс ослабнет, но этой искренней нежности уже негде было излиться. Мир огромен, он хоть и вмещал его тело и душу, но был подобен холодной тюремной камере. И он сам, хотя и был виновником, не желал этого, но все же это добровольно.

—

[*Стихотворение передает глубокое чувство беспомощности перед лицом судьбы и несправедливости мира. Герой страдает, прилагает усилия, но видит, что ни природа, ни Небо не откликаются на его боль. Последняя строка — это горький вздох, надежда на то, что хотя бы в загробном мире души, пострадавшие от несправедливости, найдут своё место или утешение.]

<http://bllate.org/book/12585/1118439>